

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-553-560

Научно-презентационная модель конституционной теории правозащитных рисков

Новикова А.Е.

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

Аннотация. Современные стратегические задачи создания незыблемого правозащитного статуса Российской Федерации предполагают наличие солидарного и безопасного правозащитного пространства. Однако несмотря на общепризнанные эффективные правозащитные институты национального и международного уровней, права человека по-прежнему уязвимы и нуждаются в гарантировании и обеспечении. Одним из направлений разрешения сложившейся ситуации является обновление конституционно-отраслевого теоретического и практического подхода к реализации правозащитной деятельности. В этой связи нами разработана и презентована конституционно-правовая теория, включившая дефинитивные, видовые, индикативные, регулятивные, сравнительно-правовые и минимизирующие аспекты в контексте обеспечения единства правозащитного пространства и формулирования направлений совершенствования правозащитного законодательства. Предложенная автором теория правозащитных рисков может стать основой для дальнейших научных разработок, как ее углубляющих, так и дополняющих конституционно-правовую теорию защиты прав человека и конституционную рискологию.

Ключевые слова: правозащитный риск, конституционная теория, индикаторы правозащитных рисков, профиль правозащитных рисков, минимизация правозащитных рисков.

Для цитирования: Новикова А.Е. 2021. Научно-презентационная модель конституционной теории правозащитных рисков. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 46 (3): 553–560. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-553-560

Scientific Presentation Model of the Constitutional Theory of Human Rights Risks

Alevtina E. Novikova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

Abstract. The current strategic tasks of creating an unshakable human rights status of the Russian Federation presuppose the existence of a solidary and safe human rights space, creatively supported by all the resources and means intended for this purpose. However, despite the generally recognized effective human rights institutions at the national and international levels, human rights under the influence of challenges and threats identified as risks are still vulnerable and need to be guaranteed and ensured. One of the ways to resolve the current situation is to update the constitutional-sectoral theoretical and practical approach to the implementation of human rights activities. In this regard, we have developed and presented within the framework of this article a constitutional and legal theory that includes definitive, specific, indicative, regulatory, comparative legal and minimizing aspects in the context of ensuring the unity of the human rights space and formulating directions for improving human rights legislation. The theory of human rights risks proposed by the author can become the basis

for further scientific developments, both deepening it and supplementing the constitutional and legal theory of human rights protection and constitutional riskology.

Keywords: human rights risk, constitutional theory, indicators of human rights risks, profile of human rights risks, minimization of human rights risks.

For citation: Novikova A.E. 2021. Scientific Presentation Model of the Constitutional Theory of Human Rights Risks. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46 (3): 553–560 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-553-560

Введение

Самостоятельность конституционно-правовой теории правозащитных рисков опосредована запросом конституционно-правовой науки к поиску новых и обновлению имеющихся теоретических, методологических и практических подходов к защите прав и свобод человека и гражданина [Азаров, Ройтер, Хюфнер, 2003; Бондарь, 2004; Витрук, 2008; Воеводин, 1997; Грудцына, 2008; Мархгейм, 2005; Тонков, 2013].

В современной России этому курсу уделяется последовательное внимание на высшем официальном уровне при определении основных направлений внутренней и внешней политики, что неизбежно возводится в ранг критерия деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти, сказывается на прицельном формировании правозащитной структуры и инфраструктуры российского государства и общества, на подборе востребованных правозащитных механизмов, на активности правозащитного взаимодействия уполномоченных субъектов в формате конституционного партнерства. При этом образцовые правозащитные ожидания существенно искажаются ставшей уже привычной практикой небрежного отношения к человеку, его правам и свободам не только со стороны носителей власти, но и представителей гражданского общества, что в совокупности дает основания диагностировать наличие угроз и обусловленных ими рисков [Альгин, 1989; Арямов, 2009; Киреев, 2013].

Наряду с этим в российскую и иные современные национальные правозащитные системы весьма агрессивно вмешиваются риски международной природы [Карташкин, 2009; Макогон, 2012; Авхадеев, 2016; Исполинов, 2017; Балаян, Сычев, 2019], что ставит перед государствами дополнительные задачи, в том числе по управлению рисками и их минимизации. Опору здесь целесообразно искать, судя по реакции России на такого рода риски, в конституционных ценностях и нормах.

Полагаем, аксиологическое сопряжение, правозащитный императив и институциональные гарантии, имманентные правозащитным рискам, подчеркивают значимость их обособления и разработки самостоятельной конституционной теории [Новикова, 2021, 2021a].

Риск как объект конституционно-правовой науки

Содержание конституционной теории правозащитных рисков определено необходимой и минимально достаточной совокупностью терминологических и соответствующих им дефинитивных конструкций, исходных и специализированных принципов, универсальных индикаторов распознавания рисков в формализованном правозащитном пространстве и их критериально-видовых характеристик с учетом закономерностей конституционного воспроизведения и правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов.

Повсеместность рисков, включая конституционно-правовые отношения, позволила нам аргументировать целесообразность обособления в доктрине защиты прав человека самостоятельного направления исследования – конституционной рискологии. Ее отправным элементом предложена трактовка риска в качестве объекта конституционно-правовой науки. В этом смысле риск представляет собой социально выявленный, детерминирован-

ный конституционно-правовой наукой и практикой феномен, отличающийся вариативностью содержания в диапазоне «неопределенность – угроза – вероятность» и обуславливающий поведение субъектов конституционно-правовых отношений в целях достижения наиболее благоприятных для них результатов.

Повсеместность рисков в конституционно-правовых отношениях подтверждена и их типологией по различным основаниям. Так, по субъекту аффилирования обособлены риски частных (личность) и публичных (государство, органы власти и их должностные лица) субъектов; по регулятивности правил поведения личности – риски, обусловленные управомочивающими / правонаделительными нормами (субъективные права и свободы) и обязывающими нормами (юридические обязанности); по форме реализации функций государства – риски правотворческой, управленческой, правоприменительной, включая правосудие, контрольно-надзорную деятельность государства; по сегменту конституционных отношений – социальные, экологические, налоговые, информационные и др. При этом последние, включая коррупционную разновидность, отнесены к трансдисциплинарной разновидности рисков с учетом исключительности конституционных правоотношений. Также в зависимости от признания риски подразделены на общепризнанные и вновь появляющиеся (к примеру, риск-ориентированный подход государственного регулирования и управления).

Раскрытие содержания теории правозащитных рисков способствовали выявленные нами закономерности конституционных текстуальных деструкций, исторически сказавшихся на формировании и состоянии правозащитного пространства советской и современной России в качестве риск-фактора.

Так, сравнительно-правовой анализ текстов конституций РСФСР 1918, 1925, 1937, 1978 годов и действующей Конституции России показал, что наиболее влияющими на формирование правозащитного пространства советской и современной России оказались не очевидные государственные идеологемы, отражающие в разные периоды государственного строительства классовое неравенство и классовую борьбу, покрытие государственной партийно-классовой идеологией всех общественных отношений, непоколебимость приоритета государства над личностью, а номенклатурно-келейное восприятие и интерпретация идеи прав человека, номинально-фиктивная конституционная формализация прав и свобод индивидов и избирательность гарантирования их практической реализации.

Указанные закономерности проявлялись в комплексе следующих поименованных и ранжированных нами конституционных текстуальных деструкциях: структурно-идеологические, фрагментарно-пробельные и интерпретационно-фиктивные.

Нами выстроена система аргументов в пользу обогащения теории и практики правозащитных рисков результатами интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации. Анализ содержания его постановлений и определений, особых мнений его судей привел к выводу о приращении теории правозащитных рисков в части, касающейся понятийно-дефинитивного, содержательно-видового, сущностно-идентификационного и причинно-следственного вклада. Помимо этого, деятельность федерального Конституционного Суда сказалась на минимизации правозащитных рисков через корреляцию данного процесса с государством в целом и с его законодательными и правоприменительными органами, а также через императивное уточнение и последующую коррекцию законодательных норм.

Конституционно-правовая теория правозащитных рисков

Ключевым понятием представляемой конституционно-правовой теории является «правозащитный риск». Поскольку он выступает в качестве разновидности конституционно-правового риска, раскрывающего гуманитарно-аксиологическое содержание конституционной рискологии, он дефинитивно обличен нами в формулировку вероятности отклонения реального правозащитного результата от согласованных государствами

стандартов защиты прав и свобод человека и гражданина под воздействием событиями или деяниями.

Разработке теории правозащитных рисков способствовало применение к ним метода классификации по критерию конституционной гарантированности защиты прав и свобод человека и гражданина, на основании которого выделены общегарантная и специально-гарантная группы.

Первая группа представлена политическими, экономическими, социальными, а вторая – юридическими, институциональными и процессуальными правозащитными рисками.

Ввиду многообразия правозащитных рисков, а также связанных с ними вызовов и угроз, нами в целях их диагностики предложена и дефинирована категория «индикатор правозащитного риска». Она представляет собой совокупность определенных ориентирующих показателей, предназначенных и для диагностики состояния правозащитного пространства, и для минимизации правозащитных рисков. Основываясь на этом, мы осуществили диагностику состояния правозащитного пространства России с помощью индикаторов правозащитных рисков, выражающих наличие/отсутствие: аксиологических акцентов в пользу человека, его прав и свобод; правозащитного законодательства и ресурсов его реализации; типичных и специализированных правозащитных структур; правозащитного взаимодействия; правозащитных процедур и возможностей их применения; адресных правозащитных средств.

В индикативном анализе правозащитного пространства нами использованы как информативные антропологические, государственно-режимные, юридико-технические и другие аспекты.

Аксиология минимизации правозащитных рисков в деятельности государства

Разработке конституционно-правовой теории правозащитных рисков способствовало не только доктринирование дефинитивно-видового аспекта правозащитных рисков, но и аксиологии их минимизации в корреляции с формами государственной деятельности как современной тенденции.

На основе нормативных и доктринальных позиций, а также с учетом тезиса о государстве как носителе функции главного риск-менеджера на основе ст. 2 Конституции Российской Федерации применительно к процессу положительной корректировки правозащитных ситуаций, опосредованных рисками, обосновано применение термина «минимизация».

Исходя из этого, минимизация правозащитных рисков представляет собой аксиологически и конституционно определяющую деятельность государственных органов по диагностике состояния, оценке угроз и необходимой корректировке правозащитного пространства в целях достижения востребованного баланса фактических правозащитных отношений и их формализованного конституционного стандарта.

В ходе разработки теории правозащитных рисков нами обоснована необходимость введения в научный оборот категории «профиль правозащитного риска».

Анализ конституционного текста Российской Федерации дал основания для вывода, что минимизация правозащитных рисков обуславливает конструктивное сопряжение опорных, производных и ассоциированных правовых средств.

Опорные правовые средства выразились в конституционном установлении аксиологических предпочтений в пользу человека, его прав и свобод; производные – во введении конституционной обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина, запретов правозащитного свойства; ассоциированные – в разработке и реали-

зации правозащитно-ориентированных программ, в подготовке государственными органами правозащитных докладов.

Исходным императивом производных правовых средств являются обязанность-признание, обязанность-соблюдение и обязанность-защита прав и свобод человека и гражданина в их доктринальном и формализованном содержании. В рамках заявленного алгоритма в силу необходимости и важности восстановления нарушенных прав именно обязанность-защита выступила основанием для формирования государственной системы защиты прав и свобод человека и гражданина, которая характеризуется следующими признаками:

- включением элементов общей и специальной компетенции федерального уровня и субъектов Российской Федерации;
- распространением функционала в рамках национальной юрисдикции, а также в качестве направления внешнеполитической деятельности посредством защиты и покровительства граждан Российской Федерации, находящихся за пределами Российской Федерации;
- специализацией применительно к отдельным правовым статусам или субъективным правам;
- активизацией в случае нарушения или несоблюдения формализованных прав и свобод личности.

Учитывая значимость правозащитного взаимовлияния общества и государства, осуществлено толкование законодательных запретов, правозащитно-ориентированных программ и докладов государственных органов в качестве юридических инструментов, способствующих минимизации правозащитных рисков.

Правозащитный запрет предложено понимать как конкретизированное законодательством императивное изъятие из допустимых действий субъектов различной правовой природы для превенции нарушения прав и свобод личности и восстановления их последствий в сопряжении с юридической ответственностью.

Анализ правовых норм советского и современного периодов на предмет наличия в них запретов правозащитного свойства показал, что для первого из них характерна подзаконная форма закрепления, а для второго – законодательная. Исходя из лингво-юридического метода, сделан вывод о систематическом увеличении числа законодательно устанавливаемых правозащитных запретов в условиях демократизации российского общества и государства.

Правозащитно-ориентированная программа представляет собой надлежаще формализованный документ, служащий правовым инструментом реализации задач социально-экономического развития страны через парную и системную консолидацию универсальных для них компонентов – «цель – индикатор», «субъект – объект», «план – ресурс».

Исходя из проектного метода, правозащитно-ориентированная программа способствует целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию актуальных правозащитных отношений, реализация которых доступна для наблюдения со стороны любого интересующегося субъекта.

Правозащитный доклад следует трактовать как нормативно предусмотренный аналитический документ, представляемый государственными органами и должностными лицами, содержащий систематизированную правозащитную информацию для оценки и выявления направлений совершенствования и минимизации правозащитных рисков в данной сфере.

Исходя из аналитического метода, правозащитный доклад служит источником информации о состоянии и защите прав и свобод человек и гражданина, о правозащитной деятельности органов государственной власти; основанием для консолидации усилий в достижении правозащитного результата, для внутреннего ведомственного и общественно-го контроля.

Вместе с тем выражаем информированное опасение, что императивность и чрезмерная повсеместность введения докладной деятельности может обернуться воспроизведением текстов без надлежащего анализа реально складывающейся ситуации. Результативным препятствием этому в сфере исполнительной власти, как представляется, послужит разработка и утверждение Правительством Российской Федерации Положения о докладе, включающего традиционно не только основные определения, но и разновидности, структуру докладов, субъекты их принятия, сроки представления и порядок обнародования.

Результаты апробации предложенных конституционных инструментов профиля правозащитного риска основаны на деятельности типичных специализированных правозащитных структур.

Идентификация минимизации правозащитных рисков в конституциях зарубежных стран

Представляемая конституционная теория правозащитных рисков включила результаты «матричной» идентификации позиции государств в деле минимизации правозащитных рисков в текстах 30 конституций, включая СНГ, европейские и американские федерации, африканские страны. Универсальная матрица базируется на определенности правозащитной терминологии; аксиологическом предпочтении человека, его прав и свобод; фиксировании обязанности государства защищать права и свободы личности; гарантировании защиты прав и свобод человека и гражданина, включая специальные статусы и состояния; императиве судебной защиты субъективных прав и свобод; рецепции специализированных правозащитных структур; правозащитной стабилизации конституционных норм.

Прикладной ресурс конституционной теории правозащитных рисков

В практической плоскости положения конституционно-правовой теории правозащитных рисков сопряжены со стратегическими и тактическими предложениями, направленными на совершенствование российского законодательства в целях минимизации правозащитных рисков.

Стратегические шаги заключаются в принятии концепции федерального закона «О правозащитной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», включающей определение сферы правового регулирования, основные понятия, цель регулирования, принципы, субъекты, требования к субъектам, круг их полномочий, формы отражения результатов экспертизы; в разработке и принятии федеральных и региональных программных нормативных правовых актов, рассчитанных на среднесрочный/краткосрочный периоды и посвященных повышению правовой культуры, включая электоральной сегмент.

В тактических правозащитных шагах высказаны предложения о целесообразности дополнения действующего правозащитного законодательства, а также разработки и утверждения Правительством Российской Федерации Положения о докладе федеральных органов исполнительной власти.

Заключение

Новая научная конституционно-правовая теория правозащитных рисков, композиционно включает совокупность терминологических и дефинитивных конструкций, принципов, универсальных индикаторов распознавания рисков и их критериально-видовых характеристик, основана на доктринальных постулатах и практике защиты прав человека в целях минимизации правозащитных рисков.

Результаты представленной конституционной теории правозащитных рисков могут быть имплементированы в правотворческую и правоприменительную деятельность государственных и муниципальных органов, их должностных лиц. В презентуемой теории со-

держится материал для новаций при формировании основных профессиональных образовательных программ и преподавания юридических дисциплин в образовательных учреждениях высшего образования; при разработке и преподавании конституционного права России и зарубежных стран, теории государства и права, государствоведения, теории правозащитной деятельности, специальных курсов, связанных с правами человека и их защитой, а также при разработке сопряженных с темой учебных и учебно-методических пособий.

Предложенная автором теория правозащитных рисков может стать основой для дальнейших научных разработок как ее углубляющих, так и дополняющих конституционно-правовую теорию защиты прав человека и конституционную рискологию.

Список литературы

1. Авхадеев В.Р. 2016. Практика международных судебных органов в сфере защиты прав человека и ее влияние на законодательство Российской Федерации. Адвокат, 3: 13–23.
2. Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. 2003. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. М., 560 с.
3. Альгин А.П. 1989. Риск и его роль в общественной жизни. М., Мысль, 187 с.
4. Арямов А.А. 2009. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ. М., Российская академия правосудия, 171 с.
5. Балаян Э.Ю., Сычев С.С. 2019. Международно-правовые принципы защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях глобализации. Российская юстиция, 11: 18–21.
6. Бондарь Н.С. 2004. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. М.: ОАО «Издательский дом "Городец"», 352 с.
7. Витрук Н.В. 2008. Общая теория правового положения личности. М., НОРМА, 448 с.
8. Воеводин Л.Д. 1997. Юридический статус личности в России. М., Изд-во МГУ; Издательская группа ИНФРА-М, 298 с.
9. Грудцына Л.Ю. 2008. Правовая природа институтов защиты и охраны прав человека в России. Российская юстиция, 2: 59–63.
10. Исполинов А.С. 2017. Исполнение решений международных судов: теория и практика. Международное правосудие, 1 (21): 45–67.
11. Карташкин В.А. 2009. Права человека: международная защита в условиях глобализации. М.: Норма, 288 с.
12. Киреев В.В. 2013. Конституционные риски: проблемы правовой теории и политической практики. Конституционное и муниципальное право, 3: 24–27.
13. Макогон Б.В. 2012. Дифференциация законодательства и расширение предмета правового регулирования в России в условиях глобализации. Образование. Наука. Научные кадры, 3: 74–76.
14. Мархгейм М.В. 2005. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования. Ростов н/Д., Ростиздат, 199 с.
15. Новикова А.Е. 2021. Правозащитные риски: конституционная теория и практика: Дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 436 с.
16. Новикова А.Е. (а) 2021. Правозащитные риски: конституционная теория и практика: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Белгород, 39 с.
17. Тонков Е.Е. 2013. Правозащитная функция и субъективное право: горизонты познания. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 16 (159): 201–207.

References

1. Avhadeev V.R. 2016. Praktika mezhdunarodnyh sudebnyh organov v sfere zashchity prav cheloveka i ee vliyanie na zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii [The practice of international judicial bodies in the field of human rights protection and its impact on the legislation of the Russian Federation]. Advokat, 3: 13–23.
2. Azarov A., Rojter V., Hyufner K. 2003. Prava cheloveka. Mezhdunarodnye i rossijskie mekhanizmy zashchity [Human rights. International and Russian mechanisms of protection]. M., 560 p.

3. Al'gin A.P. 1989. Risk i ego rol' v obshchestvennoj zhizni [Risk and its role in public life]. M.: Publ. Mysl', 187 p.
4. Aryamov A.A. 2009. Obshchaya teoriya riska: yuridicheskij, ekonomicheskij i psihologicheskij analiz [General risk theory: legal, economic and psychological analysis]. M., Publ. Russian Academy of Justice, 171 p.
5. Balayan E.YU., Sychev S.S. 2019. Mezhdunarodno-pravovye principy zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyah globalizacii [International legal principles for the protection of human and civil rights and freedoms in the context of globalization]. Rossijskaya yusticiya, 11: 18–21.
6. Bondar' N.S. 2004. Grazhdanin i publichnaya vlast': Konstitucionnoe obespechenie prav i svobod v mestnom samoupravlenii [Citizen and public power: Constitutional provision of rights and freedoms in local self-government]. M., Publ. Gorodets, 352 p.
7. Vitruk N.V. 2008. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti [General theory of the legal status of the individual]. M., Publ. NORMA, 448 p.
8. Voevodin L.D. 1997. YUridicheskij status lichnosti v Rossii [The legal status of an individual in Russia. Moscow]. M., Publishing house of Moscow State University; INFRA-M Publishing Group, 298 p.
9. Grudcyna L.YU. 2008. Pravovaya priroda institutov zashchity i ohrany prav cheloveka v Rossii [The legal nature of the institutions for the protection and protection of human rights in Russia]. Rossijskaya yusticiya, 2: 59–63.
10. Ispolinov A.S. 2017. Ispolnenie reshenij mezhdunarodnyh sudov: teoriya i praktika [Enforcement of decisions of international courts: theory and practice]. Mezhdunarodnoe pravosudie, 1 (21): 45–67.
11. Kartashkin V.A. 2009. Prava cheloveka: mezhdunarodnaya zashchita v usloviyah globalizacii [Human rights: international protection in the context of globalization]. M., Publ. Norma, 288 p.
12. Kireev V.V. 2013. Konstitucionnye riski: problemy pravovoj teorii i politicheskoy praktiki [Constitutional risks: problems of legal theory and political practice]. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 3: 24–27.
13. Makogon B.V. 2012. Differenciaciya zakonodatel'stva i rasshirenie predmeta pravovogo regulirovaniya v Rossii v usloviyah globalizacii [Differentiation of legislation and expansion of the subject of legal regulation in Russia in the context of globalization]. Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry, 3: 74–76.
14. Marhgejm M.V. 2005. Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sovremennoj Rossii: sistemnaya konstitucionnaya model', problemy ee funkcionirovaniya i sovershenstvovaniya [Protection of human and civil rights and freedoms in modern Russia: the systemic constitutional model, the problems of its functioning and improvement]. Rostov n/D., Publ. Rostizdat, 199 p.
15. Novikova A.E. 2021. Human rights risks: constitutional theory and practice: Dis. ... doct. jurid. sciences. Belgorod, 436 p.
16. Novikova A.E. (a) 2021. Human rights risks: constitutional theory and practice: Abstract. dis. ... doct. jurid. sciences. Belgorod, 39 p.
17. Tonkov E.E. 2013. Function of human rights law and subjective: horizons of knowledge. Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy Sociology Law 16 (159): 201–207.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Алевтина Евгеньевна, доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alevtina E. Novikova, Associate Professor, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.